

А.С. Ващук*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1990-Е – НАЧАЛО 2000-Х ГОДОВ)doi:10.31518/2618-9100-2024-4-4
УДК 33.021.8

Выходные данные для цитирования:
Ващук А.С. Социальные последствия радикально-либеральных реформ в Магаданской области (1990-е – начало 2000-х годов) // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 47–59. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-04.pdf>

A.S. Vashchuk*

SOCIAL CONSEQUENCES OF RADICAL LIBERAL REFORMS IN THE MAGADAN REGION (1990S – EARLY 2000S)

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-4

How to cite:
Vashchuk A.S. Social Consequences of Radical Liberal Reforms in the Magadan Region (1990s – Early 2000s) // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 47–59. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-04.pdf>]

Abstract. The novelty of the article lies in the use of the method of synthesis of socio-political, socio-economic and anthropological tools. The consequences of the reform are examined in quantitative and socio-anthropological aspects. The presence of all the signs of a “trauma society” has been proven as the main result of the implementation of systemic reforms in the Magadan region. The main traumatic factor has been identified – privatization, as well as the direct and indirect phenomena accompanying it: the depreciation of northern benefits, the emergence of new poverty and a new type of stratification, the ruination of villages, the reduction of employment in the extractive industries, a powerful outflow of the population, criminalization in gold mining and the fishing industry. In the region, these trends were especially clearly visible in the first half of the 1990s, when the population experienced pressure from opposing social processes. The first is the emerging desire of people to live according to the norms of the “Western world” against the background of the fall of the remnants of the ideological and social “curtain” from Western values during the years of perestroika and which did not subside yet in the first half of the 1990s. The second is “predatory” type privatization in the presence of large-scale natural resources and the development of the shadow economy. All this happened against the backdrop of public recognition by the regional authorities of the situation of a humanitarian catastrophe. The emergence of new poverty and a new type of stratification as a result of not only unemployment, but also poverty among workers has been proven. The influence of regional policy, in particular its migration component, based on the liberal idea, on social consequences has been established, which also led to the formation of a “society of trauma”.

Keywords: reforms, privatization, migration, regional politics, gold mining industry, Magadan region.

The article has been received by the editor on 29.03.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ангелина Сергеевна Ващук**, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, России, e-mail: va_lina@mail.ru

Angelina Sergeevna Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: va_lina@mail.ru

Аннотация. Новизна статьи заключается в использовании метода синтеза социально-политического, социально-экономического и антропологического инструментария. Последствия реформ исследуются в количественном и социально-антропологическом измерении. Доказано наличие всех признаков «общества травмы» как основного итога реализации системных реформ на территории Магаданской области. Установлен главный травмирующий фактор – приватизация, а также сопутствующие ей прямые и косвенные явления: обесценивание северных льгот, появление новой бедности и нового типа расслоения, руинизация поселков, сокращение занятых в добывающих отраслях, мощный отток населения, криминализация в золотодобыче, в рыбной отрасли. На территории области эти тенденции особенно ярко прослеживались в первой половине 1990-х гг., когда население испытывало давление противоположных между собой социальных процессов. Первый – это возникшее желание людей жить по нормам «западного мира» на фоне падения остатков идеологического и социального «занавеса» от западных ценностей в годы перестройки, не схлынувшее еще в первой половине 1990-х гг. Второй – приватизация «грабительского» типа при наличии масштабных природных ресурсов и развитие теневой экономики. Все это происходило на фоне публичного признания региональной властью ситуации гуманитарной катастрофы. Доказано появление новой бедности и нового типа расслоения в результате не только безработицы, но и бедности у работающих. Установлено влияние региональной политики, в частности ее миграционной составляющей, основанной на либеральной идее, на социальные последствия, что также вело к формированию «общества травмы».

Ключевые слова: реформы, приватизация, миграция, региональная политика, золотодобывающая отрасль, Магаданская область.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 г.

Введение. Северо-восток¹ как значительная часть национальной территории всегда представлял большой интерес для политиков и исследователей. И сегодня он остается зоной повышенного внимания, что обусловлено тем значением, которое эти территории имеют для экономики и безопасности страны в условиях глобализации. В XXI в. в мире развернулась борьба за природные ресурсы, и проблема изучения специфики развития северо-востока России еще больше актуализировалась.

Тема социальных последствий радикальных преобразований в регионе уже затрагивалась в исследованиях экономистов² и историков³. Одним из первых авторов, обративших свое внимание к начальному этапу либеральных реформ в Магаданской области, стал А.Н. Исаков⁴. А.Н. Пилясов предложил периодизацию истории преобразования собственности в регионе, выделив два этапа⁵. Важно отметить вклад магаданских архивистов и историков, собравших и систематизировавших значительный пласт документов⁶. Но в современной литературе по-прежнему преобладает количественный анализ структурных изменений

¹ В публикациях встречается другое название – северные территории Дальневосточного федерального округа. Чукотка в 1992 г. стала самостоятельным субъектом РФ, тема рассматривается в рамках Магаданской области.

² Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарытова О.А. Уровень жизни в Магаданской области: мифы и реальность // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 26. С. 10–20.

³ Историческая динамика социальных рисков и угроз на дальневосточной периферии России в 1991–2020. Владивосток, 2023. С. 62, 64, 66, 69 и др.

⁴ Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке России в конце XX в. (1996–2000): Страницы летописи новейшей истории. Магадан, 2005.

⁵ Пилясов А.Н. Региональная собственность в России: свои и чужие // Отечественные записки. 2005. № 1. С. 84–111.

⁶ Историческая хроника Магаданской области. 1991–2000. События и факты. Магадан, 2015. С. 10.

в формах собственности в регионе, что актуализирует введение элементов социально-антропологического метода в историческое исследование.

В статье используются архивные, статистические источники и материалы СМИ, раскрывающие отдельные сведения по реакции населения на социальные последствия радикальных реформ. В научный оборот вводятся художественные произведения магаданских литераторов, отражающие социальное самочувствие северян сквозь призму видения этой социально-профессиональной группы.

Цель статьи – установить характер последствий радикальных рыночных реформ в Магаданской области. Для этого предполагается решить две задачи: выявить роль приватизации как основного травмирующего фактора социума, а также как фактора сокращения занятого населения; установить влияние региональной политики, в частности ее миграционной составляющей, на социальные последствия в регионе.

Для характеристики социальных последствий используется понятие «самочувствия» местного сообщества, которое дополняется концепцией «общества травмы». Ее основоположником является П. Штомпка⁷, который определяет такое общество как состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями. Россия 1990-х гг. как «общество травмы» рассматривалось И. Крастевым⁸. Но даже успешные и объективно полезные реформы могут на субъективном и групповом уровнях переживаться как травма.

Ситуация в социуме иногда анализируется в контексте социальных рисков, возникающих в результате внедрения неолиберальных реформ, но пока это отражается в работах немногих отечественных исследователей (Е.Л. Мотрич, С.Н. Найден и др.)⁹ и зарубежных ученых (М. Беннет¹⁰ и др.).

Применительно к региону мы рассматриваем состояние социума, возникшее под воздействием таких травмирующих факторов, как приватизация, банкротство предприятий, безработица, высокая инфляция, появление групп с новыми источниками доходов, включая теневые, обесценивание системы предпочтений для жителей Севера, резкое падение уровня жизни, разрушение населенных пунктов, возникновение новых иерархий социальной стратификации. То есть такие индикаторы, которые социологи применяют для раскрытия социального самочувствия¹¹. Концепция «общества травмы» используется нами в совокупности с классическими методами исторической науки (хронологический, сравнительный методы, факторный анализ), а также с учетом достижений политической регионалистики и теории пространственной экономики¹².

Приватизация как фактор формирования локального «общества травмы». В России разделение собственности между федеральной и региональной реализовывалось на основе Постановления ВС РФ 1991 г.¹³ В итоге горнодобывающая, топливная электроэнергетика, связь, геологоразведка были отнесены к федеральной собственности. В Магаданской области в кратчайшие сроки появились органы управления распродажей государственного имущества¹⁴. К началу декабря 1992 г. в Комитет по управлению государственным

⁷ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

⁸ Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3. С. 79–87.

⁹ Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67; Историческая динамика социальных рисков...

¹⁰ Bennet M. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 2020. Vol. 45, Iss. 2. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12908> (дата обращения: 12.03.2024).

¹¹ Сунайкина О.Н. Понятие «Социальное самочувствие» в социологии // Вестник Московского государственного университета. 2011. № 3. С. 98–101.

¹² Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск, 2014.

¹³ Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» (ред. от 24.12.1993).

¹⁴ Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 26в 32. Л. 133.

имуществом по области поступило 120 первых заявок на приватизацию предприятий или около 7 % от числа государственных предприятий. Полностью было приватизировано 35 предприятий, это в основном объекты торговли и общественного питания¹⁵. Несмотря на высокие денежные доходы северян в позднесоветские годы, в 1992 г. в области образовалось всего 22 малых предприятия с акционерной формой хозяйствования, в которых было занято 5,3 % от всех занятых¹⁶.

Если судить по доле занятых на этих предприятиях, то можно предположить, что северяне проявляли осторожность к предпринимательской деятельности, а также показывали неготовность к радикальным преобразованиям, что само по себе уже характеризовало самочувствие социального шока у значительной части граждан.

Контроль над акционированными предприятиями переходил к определенным группам (менеджерам) или акции расплылись дробно между членами трудового коллектива. На местах органы власти активно контролировали процесс передела государственной собственности, стремясь утвердить свое влияние или своих уполномоченных собственников над главными активами территории.

Отношение северян к реформе собственности оставалось противоречивым. Неготовность к приватизации сопровождалась иллюзорными представлениями северян, как и в целом россиян, не только на предмет ее задач и механизма приватизации, но и ее последствий. Это во многом объясняет исторический факт: после принятия первых законов о приватизации в 1992 г. не было массового протеста в области, а лишь наблюдались отдельные общественные акции. Население на резкое ухудшение условий жизни преимущественно отреагировало ростом миграционных настроений¹⁷. Кроме того, реформа собственности осуществлялась в условиях постоянной угрозы срыва завоза продовольствия и топлива на территорию, что в первую очередь и беспокоило население области.

Большинство предприятий, занимающихся поставкой и транспортировкой топлива и продовольствия, переводилось на коммерческую основу. В условиях недостаточности бюджетных средств жилищно-коммунальные предприятия Магаданской области оказались не в состоянии самостоятельно создать стимулы для осуществления поставщиками досрочного завоза товаров в районы с так называемой ограниченной транспортной доступностью.

В таких обстоятельствах представительные органы и администрация области сами оказались в ситуации «шока», о чем свидетельствует телеграмма от 20 ноября 1992 г., адресованная председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину: «Положение в Магадане катастрофическое, [в] течение месяца нет поступления зимнего топлива, [под] угрозой замораживание поселков, предприятий автотранспорта, срыв перевозок угля, продовольствия. Администрация просит срочного принятия мер по поставке зимнего топлива»¹⁸. Из-за хронического недофинансирования на грани останки находилась Колымская ГЭС и было приостановлено строительство Усть-Среднеканской ГЭС. Через несколько месяцев после телеграммы Черномырдину руководство области признало ситуацию как гуманитарную катастрофу, о чем сообщал заместитель главы администрации Магаданской области В.Н. Глазатов в Министерство социальной защиты населения РФ Э.А. Памфиловой: «Администрация Магаданской области обращается к Вам с просьбой о выделении целевой гуманитарной помощи населению Магаданской области»¹⁹.

Тем не менее областная администрация ориентировала хозяйственных руководителей предприятий на ускорение приватизации. В 1994 г. в области приватизировали 222 государ-

¹⁵ Доклад об итогах функционирования народного хозяйства области за январь-декабрь 1992 г. Магадан, 1993. С. 7, 33, 99.

¹⁶ Народное хозяйство Магаданской области за 1980–1991. Магадан, 1992. С. 23.

¹⁷ Шершакова Е.М. Промежуточный отчет. Население и трудовые ресурсы Магаданской области в 1993–1994 гг. и в первом полугодии 1995 г. по хоздоговорной теме «Прогноз численности населения и трудовых ресурсов Магаданской области на 1996–1997 гг.». Магадан, 1995. С. 3–10. (Архив Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) Дальневосточного отделения РАН).

¹⁸ Историческая хроника Магаданской области... С. 21.

¹⁹ Там же. С. 90.

ственных и муниципальных предприятия²⁰. В их число вошли Морской торговый порт, объединение «Магаданрыбпром», Магаданский механический завод и другие предприятия. За период с 1992 по 1997 г. здесь приватизировали 753 предприятия. Таким образом, можно говорить о начале формирования на территории области социального слоя владельцев частной собственности.

Следствием акционирования и дальнейшей приватизации стал быстрый процесс дробления предприятий. Своеобразное анклавное расположение Магаданской области упрощало реформаторские эксперименты. В 1994 г. началась продажа акций предприятия, занимающегося разработкой месторождения Ветренское (объем золотых запасов до 50 т)²¹. Процесс перераспределения собственности в пользу новых капиталистов и мелких предпринимателей активно продолжался. В 1996 г. дополнительно появились еще 11 акционерных обществ, в 1997 г. – 24²². Хотя темпы разгосударствления собственности в 1996–1997 гг. снизились в результате завершения малой приватизации, но процесс перехода собственности предприятий к частнику продолжался.

Одним из основных нормативно-правовых актов, закрепившим реформаторский курс, стал Федеральный закон ОФ от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах», вступивший в силу 1 января 1996 г. Он ввел ряд новых положений, установивших права акционеров и защиту интересов инвесторов. Но некоторые акционеры нарушали законы и свои уставы, что особенно проявилось в «Магаданрыбпроме», который в 1994 г. был преобразован в акционерное общество открытого типа – АООТ «Магаданрыбпром» (МРОП). В 1996 г. доля государственных акций в нем составила всего 30 %. Компания постоянно нарушала финансовую дисциплину и за предприятием числился большой долг по выплате заработной платы²³.

Основой для появления слоя предпринимателей на северо-востоке стала золотодобывающая отрасль. Число предпринимателей росло также и за счет дробления предприятий. Если в 1989–1990 гг. в Магаданской области насчитывалось всего 10 золотодобывающих предприятий, то в 2000 г. – около 300²⁴.

В октябре 1996 г., во время избирательной кампании на должность губернатора, кандидат В.И. Цветков (ставший губернатором) совместно с другими местными политиками так оценивал обстановку: «Колыма стоит на грани катастрофы. Правительственная политика, проводником которой на территории является нынешняя администрация, ведет к уничтожению производства, к сужению доходных статей областного бюджета, невыплатам заработной платы и пособий, обнищанию людей. Внутренний рынок на грани краха»²⁵. Более того, Министерство финансов РФ и Госкомитет по вопросам развития Севера, ссылаясь на решение Правительства о секвестировании федерального бюджета на 1997 г., снизили на 30 % размер господдержки. В тупиковое положение был поставлен не только ТЭК Колымы, но и вся экономика области.

Весь драматизм воздействия реформ на социальное самочувствие северян отразился в художественной литературе. В книге В.М. Фатеева один из возрастных персонажей, друг главного героя – директора издательства, так оценивает состояние власти и ход приватизации в 1990-е гг.: «Губернаторы приходят и уходят, а теневой бизнес остается. Тактика проста – своих людей на все ключевые посты, потом прибрать к рукам все доходные отрасли – рыбу, золото, спиртное, горючее. Рыбпром разрушат, а его суда по частным фирмам разбросают <...>. Ну, а с золотом и того проще – сейчас свою аффинажку построят и заставят всех туда – и артели, и ГОКи – шлик сдавать»²⁶. С окончанием выборов Б.Н. Ельцина в пре-

²⁰ Историческая хроника Магаданской области... С. 14.

²¹ Вачнадзе Г. Справочник областей, республик, краев и округов Российской Федерации. Анализ экономической ситуации. Телефоны для деловых людей. М., 1995. С. 282.

²² Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке... С. 19.

²³ Там же. С. 32–33.

²⁴ Историческая хроника Магаданской области... С. 16.

²⁵ Цветков В.И., Кобец В.И. и др. Во имя спасения Магаданской области // Магаданская правда. 1996. 14 окт.

зиденты РФ на второй срок и губернаторов в регионах, в том числе в Магаданской области, курс на либеральные реформы продолжал реализовываться с новой силой.

Новое расслоение местного сообщества – фактор и признак «общества травмы».

Ставка либерального правительства РФ на развитие капитализма определила основную тенденцию – трансформацию трудовых отношений, появление наемных работников на частных предприятиях, а также снижение общественного статуса занятых в образовании и здравоохранении, пенсионеров, переход их на позицию второго плана в социальной политике. После 1996 г. роль государства в регулировании производства в регионе и социальных отношений еще больше сократилась.

Распределение Центром доходов, полученных от приватизации и акционирования в Магаданской области, воспринималось северянами как самое несправедливое решение власти. В 1996 г. в области акционированные предприятия выпустили 1 049,7 тыс. акций на сумму 3 367,1 млн руб., при этом контрольный пакет акций, закрепленный за государством, составил всего 44 %. В 1997 г. было выпущено еще 26,4 тыс. акций, и все они пошли в свободную продажу. Доходы, полученные от приватизации в 1997 г., составили 8 396,8 млн руб. Однако большая их часть (53 %) пошла в федеральный бюджет. Даже региональный политический лидер, как было показано ранее, признавал это явление несправедливым. В областной бюджет поступило всего 9 %, а в местные – вообще мизерная доля – 5 %. Остальная часть выручки была перечислена другим органам государственного управления²⁷. То есть от приватизации выигрывала и формирующаяся новая постсоветская бюрократия. Среди регионов Дальнего Востока Магаданская область по уровню и темпам приватизации к 1999 г. вошла в группу, где уровень частной собственности в структуре всех форм собственности превышал 70 %, а государственная составляла 12,4 %. Регион с богатейшими природными ресурсами фактически перешел под контроль частного капитала.

Это означало, что подавляющая часть трудоспособного населения области вошла в зону новых трудовых отношений – капиталистических, в реалии, отличные от советской трудовой культуры, в пространство отношений между предпринимателями и наемными работниками.

В условиях продолжающегося управленческого кризиса применяемые налоговые практики в РФ показывали свою неэффективность. Отечественные ученые предупреждали политиков, что приход частника, особенно в крупный бизнес, в будущем обострит проблему зарплат рабочим и есть большие риски, связанные с трудовыми конфликтами²⁸. Реформаторы, укрепившись во власти, поставили задачу быстрого разрушения советского социально-экономического порядка и, решив ее в первой половине 1990-х гг., далее пошли по пути защиты интересов формирующегося нового класса владельцев крупного капитала, лишь частично поддерживая мелкого частника.

Отношения между предпринимателями и наемными работниками стали основным маркером приближения к ситуации социальной травмы: постоянные задержки заработной платы, ее выплата в конвертах и т.д. Одна из героинь произведения В.М. Фатеева говорит: «Либералы, демократы, борцы за права человека... Чем они яростнее борются, тем хуже мы живем. Раньше вот вроде борьбы не было, да людей среди бела дня не убивали и с голоду в обмороки дети не падали, и страна была как страна: кто работал или пенсию получал, мог о завтрашнем дне не беспокоиться»²⁹.

С внедрением новых форм собственности основная отрасль области – золотодобывающая – превращалась в одну из самых отстающих в хозяйстве России, переживавшую небывалый в истории золотодобычи кризис упадка, в том числе в основных золотодобывающих центральных районах Колымы: Сусуманском, Ягоднинском, Тенькинском. После

²⁶ Фатеев В.М. Город в законе. Магадан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litlib.net/bk/81282/read?ysclid=lsv8q81mdj98387443> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁷ Данные Магаданского облкомстата. Цит. по: Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке России... С. 21–22.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 10147. Оп. 1. Д. 418. Л. 20–23.

²⁹ Фатеев В.М. «Город в законе»...

приватизации жизнеспособным в 1990-е гг. некоторое время оставался один комбинат – Сусуманский. Во многом это произошло за счет предоставления области «золотого кредита» и деятельности его генерального директора В.К. Христова³⁰.

Среди новых форм собственности к концу 1990-х гг. 30,5 % являлись акционерными и обществами закрытого типа (ЗАО) и 30 % были индивидуальными частными предприятиями. Но в области начался процесс банкротства и сокращения рабочих, произошло резкое падение уровня и ухудшение качества жизни северян. Так, в области среднесписочная численность работников, занятых в промышленности, за период 1991–2000 гг. сократилась в 2,9 раза. В 2000 г. в цветной металлургии численность занятых уменьшилась до 8,8 тыс. чел. по сравнению с 1995 г. (9,5 тыс. чел.)³¹. Наибольшее сокращение работников в 1996–1997 гг. произошло в геологии и разведке недр – на 21 %³².

Для занятых в золотодобыче социальным шоком стало и само отношение государства к работающим в отрасли, государство просто перестало своевременно производить оплату за сданное золото. За 1996 г. только предприятиям «Северовостокзолото» не было выплачено 180 млрд руб., а в целом по области эта сумма составила 320–330 млрд руб. В итоге местные бюджеты недополучили около 70 млрд руб.³³ На акционированных предприятиях возникли большие трудности с оборотными средствами, необходимыми для приобретения техники и других средств, а также у предпринимателей с выплатами заработной платы. Состояние людей «общества травмы» очень образно отразил магаданский поэт А.А. Пчёлкин:

От трюмов до снастей разорена,
С бунтующей командою в раздоре,
Бездомная бескрылая страна
Вплывает в бездну. Бездна бед полна
И черная дыра зияет в створе.
**Ни маяка по курсу, ни костра,
Ни лоцмана, ни веры, ни надежды**³⁴.

На территории усиливалась конкуренция за ресурсы. Правительство РФ фактически разрешило осуществлять добычу золота всем юридическим лицам и гражданам России³⁵. Отмена режима пограничной зоны на определенной части области способствовала прибытию в районы золотодобычи «рабочих» из Чечни, Ингушетии и незаконных мигрантов из СНГ. В 1993 г. из Чечни и Ингушетии сезонный приток в Магаданскую область увеличился в 4 раза по сравнению с 1991 г. Во второй половине 1990-х гг. продолжалась активность со стороны жителей южных республик³⁶. Преступность в Магаданской области была очень высокой, ее коэффициент (в расчете на 100 тыс. чел.) был выше, чем в среднем по России, а также и в среднем по Дальнему Востоку³⁷.

Изменилась структура доходов населения: к 2000 г. доля заработной платы в общей структуре доходов снизилась до 56 % по сравнению с 1990 г., когда она составляла около 70–80 %, появились доходы от предпринимательской деятельности (см. таблицу). Возник новый источник – от продажи валюты. У северян резко упала доля других статей доходов, произошло сокращение социальных трансфертов. При этом существовали неконтролиру-

³⁰ Вацук А.С. Рыночные преобразования и «сценарии» формирования предпринимательства в золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России (1990-е годы) // Клио. 2023. № 7. С. 124–133.

³¹ Вацук А.С., Коваленко С.Г. Северо-Восток России в 1990-е гг.: деиндустриализация на периферии страны // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 27–50.

³² Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке России... С. 49.

³³ Там же. С. 27.

³⁴ Пчёлкин А.А. Непогодь: Стихи перестроечных лет. Магадан, 2000. С. 9.

³⁵ Постановление Правительства РФ от 4 января 1992 г. № 10 «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля за их производством и потреблением» (с изм. и доп.).

³⁶ Вацук А.С. Рыночные преобразования... С. 127.

³⁷ Крушанова Л.А. Трансформация преступности в России в 1990–2000 годах (на примере Дальнего Востока) // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 137.

емые теневые доходы, в том числе и от спекулятивных сделок, которые было трудно учесть контролирующим и статистическим органам.

Таблица

Структура денежных доходов населения Магаданской области (в % к итогу)

Показатели	2000	2005	2009	2010
Денежные доходы	100	100	100	100
В том числе: оплата труда	56	64	64	63
Социальные транс- ферты	10	13	16	18
Доходы от собственности	1	4	3	3
Доходы от предпри- нимательской деятель- ности	6	6	5	5
Доходы от продажи валюты	4	2	1	1
Другие доходы	23	11	11	10

Источник: Магаданская область в цифрах. 2014: крат. стат. сб. Магадан, 2014. С. 23.

Развитие слоя предпринимателей на северо-востоке, как и в целом по России, сопровождалось борьбой за ресурсы и соответственно возникновением различий по уровню доходов – от умеренных до очень высоких. Первые крупные предприниматели, создавая свой первоначальный капитал, шли разными путями. Например, ГОК «Сусуманзолото» в план государственной приватизации вошел сначала как арендное предприятие: 75 % акций распределялись между работниками, 25 % комбинат мог выкупить у государства, что и было сделано в 1994 г. По закону на балансе предприятия этот пакет мог находиться не дольше года, в дальнейшем его надо было либо вновь продать, либо уменьшить. Как вспоминал один из крупнейших предпринимателей Колымы, ставший миллиардером, В.К. Христов (1949–2020 гг.), желающих выкупить акции среди работников ГОКа не нашлось. Тогда он взял кредит в банке «Роскредит» и в 1995 г. выкупил акции сам. Христов вошел в первый рейтинг российских золотопромышленников, представленный Forbes в марте 2020 г., финансовое состояние крупнейшего предпринимателя журнал оценивал в 500 млн долл., по нынешнему курсу это около 34 млрд руб. Ему принадлежало около 65 % акций компании³⁸.

Следующий пример раскрывает историю появления частного капитала другим путем. В 1991 г. появилась первая частная компания «Геометалл», она была первой в золотодобывающей отрасли в целом в России, и ее основатель – И.С. Розенблюм. Он, имея огромный административный ресурс и опыт, зная многих чиновников в области, сумел в 1991 г. создать и возглавить негосударственное золотодобывающее предприятие – АОЗТ «Геометалл». В создании частного предприятия была заинтересована и областная администрация. Первоначальный капитал, по словам предпринимателя, он зарабатывал так: «Продавали КамАЗы в Китай, привозили яблоки, торговали корейским бензином, руду золотую у гео-

³⁸ Титова Ю. Золото с края земли: как единственный в списке Forbes бизнесмен с Колымы стал обладателем состояния в сотни миллионов долларов [Электронный ресурс] // FORBES.RU. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/399023-zoloto-s-kрая-zemli-kak-edinstvennyy-v-spiske-forbes-biznesmen-s-kolymy-stal> (дата обращения: 12.02.2021).

логических экспедиций покупали, перерабатывали и продавали»³⁹. «У меня был огромный холдинг, от магазина в центре Магадана до рудников, золотых россыпей и лизинговой компании. До кризиса я контролировал магаданский филиал банка “Российский кредит”», – признавался И.С. Розенблюм⁴⁰.

Индивидуальное предпринимательство в области получило развитие преимущественно в первом десятилетии XXI в. За 1990-е гг. внутренняя территориальная структура малого и среднего предпринимательства оставалась стабильной: малое (индивидуальное предпринимательство) было сосредоточено преимущественно в г. Магадане (72,3 %). В 2012 г. на малых предприятиях были заняты 11 тыс. чел. без учета внешних совместителей. Среднемесячная заработная плата работников на малых предприятиях (без микропредприятий) в 2012 г. составила всего 41 тыс. руб.

Различия в заработной плате работников малых предприятий в отдельных видах экономической деятельности были существенны. Так, максимальное значение среднемесячной заработной платы малых предприятий было в добыче полезных ископаемых – оно было больше в 3 раза, чем в рыболовстве.

Высокие темпы уровня зарегистрированной безработицы пришлись на 1993–1994 гг., тогда число безработных в горнодобывающей промышленности возросло в 2 раза. Наибольший уровень ее был в горнопромышленном Тенькинском районе⁴¹. В 1999 г. уровень общей безработицы составил 20,9 %, в 2000 – 12,3 % при критическом уровне 12 %⁴².

Итогом реформ стало появление новой бедности в результате не только безработицы, но и бедности у работающих. Уже в 1992 г. более 50 % населения области оказались за чертой бедности. Хотя к 2000 г. доля такого населения снизилась, но все равно оставалась высокой – 31 %⁴³.

Чаще всего ответственность за благосостояние, например в городских бедных семьях с двумя детьми, несли работающие отцы, и к бедным семьям относились главы семей преимущественно со средним профессиональным образованием, занятые в легальном (реальном) секторе экономики на низкооплачиваемых должностях. За черту бедности попадали семьи с двумя детьми, где основным источником доходов была зарплата работающих женщин, имевших преимущественно высшее профессиональное образование и занятых в формальном секторе в качестве специалистов высшего уровня квалификации. К числу категорий бедного населения в Магаданской области можно отнести и тех, кому было 45–49 лет, при этом большинство из них имели среднее общее образование и, как правило, они представляли операторов производственных установок и машин. В эту группу также входили и специалисты среднего уровня квалификации в неформальном секторе⁴⁴. В 1996–1998 гг. в области было прекращено финансирование федеральных программ «Жилище» и «Свой дом».

В тяжелейшем положении оказались работники бюджетной сферы, прежде всего учителя. 13 января 1997 г. объявили забастовку педагоги Бурхалинской средней школы. Бастовали и работники образования Ягоднинского района, требуя погасить задолженность по зарплате и оплатить отпускные⁴⁵. С 13 по 17 января бастовал педагогический коллектив средней школы пос. Дебин. 27 января работники общественного автотранспорта Магадана пикетировали здание областной администрации с требованием скорейшей выплаты

³⁹ Игнатова М. Кольма зовет [Электронный ресурс] // FORBES.RU. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2004-09/21530-kolyma-zovet> (дата обращения: 12.03.2021).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Шершакова Е.М. Промежуточный отчет... С. 10.

⁴² Обновление схемы территориального планирования Магаданской области. Т. I. Современное состояние и потенциал развития Магаданской области [Электронный ресурс]. URL: https://architect.49gov.ru/common/upload/29/editor/file/tom_1_2.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁴³ Магаданская область в цифрах...

⁴⁴ Смирнов В.М., Селиванова О.В. Специфика бедности в Дальневосточном федеральном округе // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 2. С. 492, 496.

⁴⁵ Герасимова Н. Продолжают настаивать на своих требованиях // Северная правда. 1997. 24 янв.; Забастовка продолжается // Северная правда. 1997. 31 янв.

огромного долга областного бюджета перед автотранспортниками – более 150 млрд руб.⁴⁶ В 1995 г. на 95 предприятиях Магаданской области произошли забастовки, в 1996 г. – на 27, 1997 г. – на 21 предприятия. Соответственно в забастовках приняли участие 3,3 тыс., 2,7 тыс. и 2,2 тыс. чел.⁴⁷ Одним из главных критериев оценки социальной ситуации на территориях является индекс развития человеческого развития⁴⁸. В 1992 г. для Магаданской области его значение составляло 0,659, в 2001 г. – всего 0,426⁴⁹. Важным последствием радикально-либеральных реформ стало уменьшение ожидаемой продолжительности жизни населения Магаданской области по сравнению со среднероссийской.

Заккрытие населенных пунктов. Травмирующим фактором для местного сообщества стало внедрение проекта реструктуризации Севера – закрытие населенных пунктов. Реформаторы провели пилотные проекты в Воркуте, Норильске и Сусумане. В целом реструктуризация всех северных районов РФ обошлась России в 95,24 млн долл. Из них 80 млн должны были взять в кредит у Всемирного банка (ВБ)⁵⁰. К этому кредиту МВФ и ВБ, чтобы создать свободную рыночную экономику, рекомендовали Правительству РФ ряд мер. Например, было рекомендовано отменить социальные гарантии для населения в северных регионах⁵¹, перейти на вахтовый метод работы, уволить лишнюю рабочую силу. Население северных регионов ожидало от Правительства РФ определенных преференций, но развитие событий в значительной мере пошло по пути, который был предложен МВФ и ВБ.

Предприятия, организации и учреждения должны были разработать проекты мероприятий по полной или частичной ликвидации производственных структур, поселков, хотя оговаривалось, что эти мероприятия будут реализованы с учетом соблюдения прав и интересов населения данной территории в соответствии с законодательством, предотвращающим социальные, экономические и иные последствия реорганизации. За 1993–1994 гг. на территории ликвидировали 30 поселений⁵². В рабочих поселках области разрушалась коммунальная, социальная и транспортная инфраструктура.

В 1990-е гг. выросло число убыточных предприятий, и только к 2007 г. этот процесс остановился. Динамика убыточных предприятий в Магаданской области была следующей (в процентах к общему итогу): 1990 г. – 18,0 %; 1995 г. – 56,8; 2000 г. – 47,0; 2005 г. – 47,0; 2007 г. – 31 %⁵³.

За период 1990–2000-х гг. строительство жилья сократилось почти вдвое⁵⁴, упало качество жилого фонда, фактически произошла руинизация многих населенных пунктов. В 2007 г. доля аварийного жилья в жилом фонде превысила 10 %, что примерно втрое превышало среднероссийский показатель⁵⁵. В неблагоприятных жилищных условиях на начало 2007 г. проживало около 30 тыс. чел., или 18 % всего населения области.

Заключение. Специфика социальных последствий на северо-востоке проявилась прежде всего в утрате системы преференций для жителей территорий, хотя она юридически не отменялась, а просто теряла свое значение под воздействием перехода экономики

⁴⁶ Горбачева С., Жданова М. Сто улыбок // Тенька. 1997. 28 февр.

⁴⁷ Российский статистический ежегодник. 1998. М., 1998. С. 190.

⁴⁸ Индекс человеческого развития (ИЧР) представляет собой интегральный показатель вести долгую и здоровую жизнь, способность получать знания и достигать достойного уровня жизни. ИЧР рассчитывается Программой развития ООН с 1990 г. За прошедшие 30 лет методика подсчета была усовершенствована, в том числе и в РФ. ИЧР включает в себя усредненные данные по трем основным аспектам человеческого развития: долголетие, доступ к образованию и достойный уровень жизни.

⁴⁹ Ефимова Л.А. Индекс человеческого развития в России: анализ и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 22. С. 54.

⁵⁰ Russian Federation – Northern Restructuring Pilot Project (English) Washington, D.C.: World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/123761468763188911/Russian-Federation-Northern-Restructuring-Pilot-Project> (дата обращения: 12.03.2024).

⁵¹ Там же.

⁵² Шершакова Е.М. Промежуточный отчет... С. 2.

⁵³ Обновление схемы территориального планирования Магаданской области...

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же; Мониторинг социально-экономической ситуации в регионах Дальневосточного федерального округа (январь-декабрь 2008 года). Стат. бюл. Магадан, 2009.

на рыночные «рельсы» и под влиянием нового типа социальной политики и регионального курса. Этот исторический факт оказался одним из травмирующих условий на периферии России.

На территории, богатой природными ресурсами, приватизация сразу же проявилась как «грабительская» и стала особым фактором роста социальной напряженности. Разрыв между надеждами и реалиями проявился на северо-восточной периферии в наиболее выраженном варианте, чем на юге Дальнего Востока и в других регионах страны. В области наблюдалась резкая поляризация населенных пунктов по уровню социально-бытовой инфраструктуры, а точнее – возникла ситуация ее отсутствия в некоторых из них.

Ликвидация населенных пунктов вызывала у населения настроения пессимизма и «затухания» жизни на Колыме. Отказ государства от патерналистической политики ввел северян в состояние социального шока, который и дал старт формированию локального «общества травмы». Стремление власти институционально закрепить свободу перемещений в свободу выбора места жительства воплотилось, с одной стороны, в виде поддержки отъезда из региона, а с другой – в ликвидацию рабочих поселков, что нарушало устоявшийся образ жизни.

Другая составляющая «общества травмы» – это значительные трудности и сложности адаптации к рыночным отношениям в суровых условиях Севера. Даже предпринимателям приходилось выживать в борьбе за ресурсы в условиях прихода иностранного капитала. Большая часть предприятий горнодобывающей отрасли на северо-востоке обрела своих новых хозяев уже в 1990-е гг.; в начале 2000-х гг. этот процесс был завершен. Но отношения государства и предпринимателей на северо-востоке имели сложный характер, что отражалось и на зарплатах наемных работников.

Литература

Вачнадзе Г.Н. Справочник областей, республик, краев и округов Российской Федерации. Анализ экономической ситуации. Телефоны для деловых людей. М.: Книга Лтд; Марбург: Блау Хернер Ферлаг, 1995. 596 с.

Ващук А.С. Рыночные преобразования и «сценарии» формирования предпринимательства в золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России (1990-е годы) // Клио. 2023. № 7 (199). С. 124–133.

Ващук А.С., Коваленко С.Г. Северо-Восток России в 1990-е гг.: деиндустриализация на периферии страны // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 27–50.

Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Уровень жизни в Магаданской области: мифы и реальность // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 26. С. 10–20.

Ефимова Л.А. Индекс человеческого развития в России: анализ и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 22 (397). С. 53–62.

Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-востоке России в конце XX в. (1996–2000): страницы летописи новейшей истории. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2005. 148 с.

Историческая динамика социальных рисков и угроз на дальневосточной периферии России в 1991–2020 г. / ред. В.Л. Ларин, А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2023. 408 с.

Историческая хроника Магаданской области. 1991–2000. События и факты / И.Д. Бацаев и др. Магадан: Охотник, 2015. 282 с.

Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 79–87.

Крушанова Л.А. Трансформация преступности в России в 1990–2000-х годах (на примере Дальнего Востока) // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 131–147.

Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2009. № 2. С. 47–67.

Пилясов А.Н. Региональная собственность в России: свои и чужие // *Отечественные записки*. 2005. № 1. С. 84–111.

Смирнов В.М., Селиванова О.В. Специфика бедности в Дальневосточном федеральном округе // *Экономика труда*. 2022. Т. 9, № 2. С. 485–502.

Суняйкина О.Н. Понятие «Социальное самочувствие» в социологии // *Вестник Московского государственного университета*. 2011. № 3. С. 98–101.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // *Социологические исследования*. 2001. № 2. С. 3–12.

Bennet M. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2020. Vol. 45, Iss. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12908> (дата обращения: 12.03.2024).

References

Batsaev, I.D., et al. (Eds.). (2015). *Istoricheskaya khronika Magadanskoj oblasti. 1991–2000. Sobytiya i fakty* [Historical Chronicle of the Magadan Region. 1991–2000. Events and Facts]. Magadan, Okhotnik. 282 p.

Bennet, M. (2020). The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia. In *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 45, Iss. 2. Available at: URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12908> (date of access 12.03.2024).

Efimova, L.A. (2015). Indeks chelovecheskogo razvitiya v Rossii: analiz i perspektivy [The Human Development Index in Russia: Analysis and Prospects]. In *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 22 (397), pp. 53–62.

Gal'tseva, N.V., Favstritskaya, O.S., Sharypova, O.A. (2014). Uroven' zhizni v magadanskoj oblasti: mify i real'nost' [The Standard of Living in the Magadan Region: Myths and Reality]. In *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 26, pp.10–20.

Isakov, A.N. (2005). *Rynochnye reformy na severo-vostoke Rossii v kontse XX v. (1996–2000): stranitsy letopisi noveyshey istorii* [Market Reforms in the North-East of Russia at the End of the 20th Century (1996–2000): Pages from the Chronicle of Modern History]. Magadan, SVKNII DVO RAN. 148 p.

Krastev, I. (2007). Strannaya smert' liberal'noy Tsentral'noy Evropy [The Strange Death of Liberal Central Europe]. In *Prognosis*. No. 3 (11), pp. 79–87.

Krushanova, L.A. (2021). Transformatsiya prestupnosti v Rossii v 1990–2000-kh godakh (na primere Dal'nego Vostoka) [Transformation of Crime in Russia in the 1990–2000s (Using the Example of the Far East)]. In *Zhurnal rossiyskogo prava*. Vol. 25, No. 6, pp. 131–147.

Larin, V.L., Vashchuk, A.S. (Eds.). (2023). *Istoricheskaya dinamika sotsial'nykh riskov i ugroz na dal'nevostochnoy periferii Rossii v 1991–2020 g.* [Historical Dynamics of Social Risks and Threats in the Far Eastern Periphery of Russia in 1991–2020]. Vladivostok, IIAE DVO RAN. 408 p.

Minakir, P.A., Dem'yanenko, A.N. (2014). *Ocherki po prostranstvennoy ekonomike* [Essays on Spatial Economics]. Khabarovsk, IEI DVO RAN. 272 p.

Motrich, E.L., Nayden, S.N. (2009). Naselenie i sotsial'noe razvitie rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Population and Social Development of the Russian Far East]. In *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 2, pp. 47–67.

Pilyasov, A.N. (2005). Regional'naya sobstvennost' v Rossii: svoi i chuzhie [Regional Property in Russia: Ours and Others]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 1, pp. 84–111.

Shtompka, P. (2001). Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve [Cultural Trauma in Post-Communist Society]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 3–12.

Smirnov, V.M., Selivanova, O.V. (2022). Spetsifika bednosti v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Specifics of Poverty in the Far Eastern Federal District]. In *Ekonomika truda*. Vol. 9, No. 2, pp. 485–502.

Sunyaykina, O.N. (2011). Ponyatie “Sotsial'noe samochuvstvie” v sotsiologii [The Concept of “Social Well-Being” in Sociology]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 98–101.

Vachnadze, G.N. (1995). *Spravochnik oblastey, respublik, kraev i okrugov Rossiyskoy Federatsii. Analiz ekonomicheskoy situatsii. Telefony dlya delovykh lyudey* [Directory of Regions, Republics, Territories and Districts of the Russian Federation. Analyze the Economic Situation. Phones for Business People]. Moscow, Kniga Ltd, Marburg, Blau Herner Verlag. 596 p.

Vashchuk, A.S. (2023). Rynochnye preobrazovaniya i “stsenarii” formirovaniya predprinimatel'stva v zolotodobyvayushchey promyshlennosti na Severo-Vostoke Rossii (1990-e gody) [Market Transformations and “Scenarios” for the Formation of Entrepreneurship in the Gold Mining Industry in the North-East of Russia (1990s)]. In *Klio*. No. 7 (199), pp. 124–133.

Vashchuk, A.S., Kovalenko, S.G. (2022). Severo-Vostok Rossii v 1990-e gg.: deindustrializatsiya na periferii strany [The North-East of Russia in the 1990s: Deindustrialization on the Periphery of Russia]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 27–50.